

но обогатил философию, как постановкой новых проблем, так и блестящей плеядой талантливых философов, труды и взгляды которых во многом определили характер научных и философских изысканий второй половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок// «Логос», №2, 2005.
2. Айер А. Язык, истина и логика// Аналитическая философия. Избранные тексты. - М., 1993.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. - М., 1994.
4. Зотов А.Ф. Современная западная философия. - М., 2005.
5. Поппер К.Р. Предположения и опровержения. - М., 2004.
6. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. - М., 2006.
7. Шлик М. Поворот в философии// Аналитическая философия. Избранные тексты. - М.; 1993.
8. Поппер К.Р. Предположения и опровержения. - М., 2004.
9. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

УДК 165.63

Мамедов А.А.

ПРИРОДА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В «КРИТИЧЕСКОМ РАЦИОНАЛИЗМЕ» К. ПОППЕРА*

Аннотация: В статье критически анализируются взгляды одного из крупнейших мыслителей XX века – К.Поппера в области логики и методологии научного познания. Важное место в ней занимает характеристика попперовской природы научного знания, направление исследовательского процесса, которое рассматривается мыслителем как бесконечный путь приближения к истине.

Ключевые слова: демаркация, верификация, фальсификация, истина, наука, теория, гипотеза.

Многие из нас, когда речь заходит о Поппере, прежде всего, вспоминают его как разработчика «принципа фальсификации», так как эта сторона учения Поппера в наибольшей степени изучена и интерпретирована. Это отчасти правильно, ибо Поппер еще в 17-летнем возрасте убедился в том, что мир полон верификационными теориями, и поэтому развитие науки должно пойти в другом направлении, когда окончательный вывод делается на основе фальсифицирующих примеров.

Однако в это же время Поппера занимала и другая, более важная проблема – проблема де-

A. Mamedov
TO THE ISSUE ON CRITICISM OF THE
PEUDOSTATEMENTS IN LOGICAL POSITIVISM

Abstract: The article analyzes the characteristics of the representatives of philosophy of logical positivism, in particular, members of the Vienna Circle, dealing with traditional philosophical problems as «sense-contents». These include such philosophical concepts as «life», «material», «consciousness», «spirit», «freedom», etc., because they can not be empirically verifiable, and therefore do not lead to increase scientific knowledge. This article has consistently emphasized the logical positivist position on the sentences of metaphysics, which are, using Wittgenstein language, the «unutterable». In keeping with the positions of «Tractatus», logical positivism all metaphysical sentences relating to the «unutterable», declared «sense-contents».

Key words: sense-contents, verification, metaphysics, ethics, science.

маркации, т.е. разграничение науки от метафизики. Но, прежде окинем мысленным взором короткий путь Поппера от метафизики к науке.

В этом Поппер, впрочем, как и Рассел, испытал сильное влияние Канта, который, между прочим, говорил следующее: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди... и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу...» (3, 85). Этот отрывок показывает, что Кант прекрасно понимал, что мы сами должны предъявлять гипотезы природе и требовать от нее ответа на наши вопросы и что при отсутствии таких гипотез, возможны только случайные, беспорядочные наблюдения, которые никогда не приведут нас к законам природы.

Иными словами, Кант осознал с полной ясностью, что история науки опровергает миф Бэкона о том, будто наука начинается с наблюдений, а затем выводит из них свои теории. Кант был убежден, что законы Ньютона были успешно наложены нами на природу, и мы обязаны интерпретировать природу, опираясь на эти законы. Отсюда он

* © Мамедов А.А.

заклучил, что они должны быть истинны *a priori*, с чем никак не мог согласиться упомянутый уже нами Рассел, который описывал «свое философское развитие» в одноименном автобиографическом труде следующим образом: «Предположение, что пространство и время существуют только в моем уме, меня душило: я любил звездное небо даже больше, чем моральный закон, а взгляды Канта, утверждавшие, что моя любовь есть лишь субъективная фикция, были для меня невыносимы. В первом порыве освобождения я стал наивным реалистом и радовался, что трава действительно зеленая, вопреки мнению всех философов, начиная с Локка» (1, 17).

В движении Поппера от метафизики к науке (только заметим, что это был очень короткий период), помимо Канта и Рассела, существенную роль сыграл и Витгенштейн. Он считал, что философских проблем как таковых не существует, что все подлинные проблемы являются научными, что так называемые проблемы философии являются псевдопроблемами. Философские теории даже нельзя считать ложными (если бы они были ложными, то их отрицания следовало бы признать истинными теориями), ибо это просто бессмысленные наборы слов, имеющие не большее значение, чем лепет младенца, который еще не научился правильно говорить. Вследствие этого, философия не может содержать каких – либо теорий. Истинная природа философии, согласно Витгенштейну, выражается не в теориях, а в деятельности (2, 4.112). Задача всякой подлинной философии заключается в том, чтобы разоблачать философские бессмыслицы и научить людей говорить осмысленно. То есть, философия, по мнению австрийского философа, должна заниматься анализом языка – прояснением предложений эмпирической науки. Это учение Витгенштейна Поппер и взял в качестве своего отправного пункта.

Однако Поппер говорит, что философские (метафизические) идеи оказали существенное влияние на развитие естественных наук, и космологии в особенности. От Фалеса до Эйнштейна, от Демокрита до Резерфорда – во всех этих линиях мыслители руководствовались метафизическими идеями. Успех научного исследования невозможен без личной веры исследователя, ученого в то дело, которое он делает.

Поппер предъявляет три требования к эмпирической теоретической системе (6, 136). Во-первых, она должна быть синтетической, то есть описывать непротиворечивый, возможный мир. Во-вторых, она должна удовлетворять критерию демаркации, то есть не быть метафизической системой, и описывать мир возможного опыта. В-третьих, она должна отличаться каким-либо образом от других таких систем, как представля-

ющая именно наш мир опыта. Поппер склоняется к мысли, что индукции как таковой вообще не существует. Поэтому выведение теорий из сингулярных высказываний, «верифицированных опытом», логически недопустимо. Это означает, что теории никогда эмпирически не верифицируемы. А какая система тогда может считаться эмпирической или научной? С точки зрения Поппера, только такая, которая допускает возможность опытной проверки. А эта позиция приводит Поппера к тому, что не верифицируемость, а фальсифицируемость теоретической системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации.

Поппер исходит из того, что любая эмпирическая система должна допускать опровержение опытом. Такая система подвергается фальсификации всеми возможными способами. При этом фальсификация хотя бы одного из следствий системы фальсифицирует всю систему в целом.

Поппер предлагает отказаться от поисков оправдания теории, в смысле подтверждения претензий теории на истинность, так как все теории, по мнению философа, представляют собой гипотезы, и все они могут и должны быть опровергнуты. Мыслитель при этом оговаривается, что он вовсе не предлагает отказаться от поисков истины, так как она играет роль регулятивной идеи. «Мы испытываем теории на истинность, устраняя ложь», - говорит Поппер.

Вместе с тем Поппер убежден, что ученый обязан защищать свою теорию всегда, иначе она быстро рухнет, не успев внести свой вклад в развитие науки. Здесь возникает вопрос: а как ученый должен защитить свою теорию? Ведь очень велик соблазн защитить ее всеми возможными способами, и *ad hoc* подходит как нельзя лучше. Поппер, скорее всего, имеет в виду защиту теории в момент ее расцвета (своеобразная популяризация теории), пока она не пришла в столкновение с опытом.

В научном исследовании главенствующим для Поппера является рост знания, и прежде всего рост научного знания.

Схема роста знания, предложенная Поппером, имеет широкую сферу применения: $P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2$ (Здесь P_1 есть проблема, с чего все собственно и начинается (наука, по Попперу, начинается с изучения проблемы), TT – ее первое предположительное решение, EE – исключение ошибок в результате критического исследования этого предположения, P_2 – новая проблемная ситуация, которая ведет нас к следующей попытке и т.д.).

Указанная схема отмечает важную связь между теорией и экспериментом. Теоретик ставит перед экспериментатором некоторые определенные вопросы, а последний в ходе своих экспери-

ментов, как полагает Поппер, пытается получить определенный ответ именно на эти, а не на какие-либо другие вопросы. Более того, экспериментатор прилагает максимум усилий, чтобы исключить все другие вопросы. Это означает, что именно теоретик указывает путь экспериментатору. Эксперимент, по Попперу, представляет собой планируемое действие, каждый шаг которого направляется теорией. «Теория господствует над экспериментальной работой от ее первоначального плана до ее последних штрихов в лаборатории» (6, 99). Но можно согласиться с тем, что и эксперименты имеют определенное влияние на теории. Как нельзя, кстати, оказалось известное высказывание Эйнштейна о том, что «эксперимент не может подтвердить теорию, он может лишь опровергнуть ее». Поппер, словно повторяя Эйнштейна, замечает, что никогда не случалось так, чтобы старые эксперименты вдруг давали новые результаты, бывали лишь случаи, когда новые эксперименты выступали против старой теории.

Так как почти любую теорию ждет неминуемая фальсификация (ибо классы потенциальных фальсификаторов являются бесконечными классами (6, 105)), теоретик всегда находится в поиске новой теории, которая должна прийти на смену предыдущей теории. Очевидно, что при этом старая теория отбрасывается полностью, с чем не согласен, в частности, Лакатос. По его мнению, «при достаточной находчивости и некоторой удаче можно на протяжении длительного времени «прогрессивно» защищать любую теорию, даже если эта теория ложна».

По Лакатосу, ни один эксперимент не является решающим в то время, а тем более до времени, когда он проводится. Для замещения одной теории другой, которая обладает большим эмпирическим содержанием, первая, как полагает Лакатос, не обязательно должна быть фальсифицирована, и научный прогресс состоит в «осуществлении верификации дополнительного содержания теории, чем в обнаружении фальсифицирующих примеров» (4, 277).

Интересно, что Лакатос обратил внимание на то, что в «Логике научного исследования» Поппер нигде не уточняет цель «научной игры», которая могла бы выйти за пределы того, что заложено в ее правилах. Тезис о том, что целью науки является истина, появляется у Поппера только с 1957 года. В упомянутой «Логике научного исследования» Поппер говорит лишь о том, что поиск истины может быть психологическим мотивом ученого... Точно такую же позицию занял Томас Кун, который отверг теории в качестве базисных концептуальных единиц и перешел вместо этого к каркасу, в котором базисными единицами являются сами парадигмы.

Поппер, вопреки ожиданиям Куна, не стал строить еще более общий концептуальный каркас, а подверг критике этот подход Куна в своей работе «Нормальная наука и опасности, связанные с ней». Поппер назвал это релятивистским подходом, имеющим цель поставить этот каркас выше всякой критики. Назвав «миф каркаса» главным оплотом иррационализма, Поппер замечает, что дискуссия между людьми, воспитанными в рамках различных концептуальных каркасов, хоть и трудна, но нет ничего плодотворнее, чем столкновение культур, которые послужили стимулом некоторых великих интеллектуальных революций (7, 323).

Поппер пытается придать концепции развития научного знания определенную логическую завершенность, заменив понятия «истина» и «ложь» логическими понятиями, такими, как «импликация», «конъюнкция», и т.д. Очевидно, без влияния А.Тарского не обошлось (Тарский ввел семантический метаязык, с помощью которого идея соответствия сводится к более простой идее выполнимости или удовлетворимости). Действительно, традиционное определение понятия «истины» как соответствия знания действительности, с этой точки зрения, не совсем верно, ибо здесь не может быть речи о структурном подобии. Поппер предпочитает «истине» правдоподобность, пытаясь при этом добиться для нее того, чего добился для истины А.Тарский (8, 65).

Таким образом, в системе Поппера у понятий «истина» и «ложь» нет временных индексов, ибо, как уже было отмечено, они являются не эмпирическими, а логическими понятиями, т.е. описывают или оценивают некоторое высказывание безотносительно к каким-либо изменениям в эмпирическом мире. И здесь, по Попперу, легко можно видеть разницу между истиной и подкреплением: высказывание никогда не бывает само по себе подкрепленным; оно бывает подкрепленным относительно определенной системы базисных высказываний, принятой в определенный момент времени.

Поппер исходит из того, что наука не является системой достоверных или хорошо обоснованных высказываний; она не представляет собой также и системы, постоянно развивающейся по направлению к конечному состоянию. Наша наука, убежден Поппер, не есть знание (*episteme*): она никогда не может претендовать на достижение истины, или чего-то заменяющего истину, например, вероятности. Хотя наука не может достичь ни истины, ни вероятности, стремление к знанию и поиск истины являются наиболее сильными мотивами научного исследования.

«Мы не знаем, - говорит Поппер, - мы можем только гадать. И наши предположения направ-

ляются ненаучной, метафизической верой в существование законов и регулярностей, которые мы можем открыть, обнаружить. Мы можем описать нашу современную науку как состоящую из поспешных и незрелых «предвосхищений» и из «предрассудков» (6, 257). Однако природа науки такова, что даже эти смелые предположения, или предвосхищения, тщательно и последовательно контролируются систематическими проверками. Будучи выдвинутым, ни одно из них не защищается догматически, наоборот, мы пытаемся их опровергнуть. Используя все имеющиеся в нашем арсенале логические, математические, технические и прочие средства, мы стремимся доказать ложность наших предвосхищений с тем, чтобы вместо них выдвинуть новые предвосхищения. Поэтому ученый всегда должен быть готов подвергнуть риску опровержения свои идеи, как это сделал, например, тот же Эйнштейн. Без такого риска, убеждает нас Поппер, успеха не будет! Смелые идеи, неоправданные предвосхищения – вот наши единственные средства интерпретации природы, наш единственный органон, наш единственный инструмент ее понимания. Кто не готов к такому шагу, не участвует в этой научной игре. Таков мир науки К. Поппера.

Ученый всегда сам формирует вопросы и задает их природе, ибо природа не даст ответа, если ее к этому не принудить! Экспериментатор, как полагает Поппер, должен стараться вырвать интерпретируемые факты у неподатливой природы, и должен быть всегда готов сказать нашим теориям решительное «нет» или тихое «да» (6, 259).

В каких случаях мы говорим нашим теориям решительное «нет»? Тогда, когда они, не выдержав испытания, сходят со сцены: в науке нет сострадания даже к теориям, верой и правдой служившим нам в течение многих лет или даже веков! А тихое «да»? Это сравнительно короткий период, когда теория выдержала проверку, и живет в ожидании судьбоносного для нее столкновения с опытом. Словом, восходящий к Аристотелю старый научный идеал *episteme* – идеал абсолютно достоверного, непогрешимого знания – оказался, с точки зрения Поппера, всего лишь идолом. С этой позиции каждое научное высказывание должно всегда оставаться временным. Оно действительно может быть подкреплено, но каждое подкрепление является относительным, связанным с другими высказываниями, которые сами являются временными. Абсолютная достоверность, считает философ, возможна лишь в субъективном убеждении, в субъективной вере человека.

Прогресс науки и, соответственно, приращение знания, по Попперу, состоит в том, что исследовательский процесс никогда не стоит на месте – нет догматической защиты теории и построения

«защитного пояса» вокруг нее. Выводы и ответы науки никогда не могут быть окончательными. Все научные теории в этом контексте рассматриваются как временные, они обязательно будут фальсифицированы, проверены.

Однако, такое понимание природы научного знания, отстаиваемое Поппером, было подвергнуто серьезной критике специалистами в области методологии науки. «С точки зрения попперовского фальсификационизма отбрасывание не приближает нас к истине, наука все время топчется на одном месте», – пишет А.Л. Никифоров (5, 119). Но с этой оценкой трудно согласиться. Ведь Поппер говорит о мотивах научного исследования, наиболее сильными из которых являются 1) стремление к знанию и 2) поиск истины (6, 257). Поппер лишь не согласен с тем, что есть знания, есть такие научные теории, которые всегда остаются *незыблемыми*. Ученый, зная, что его теорию ждет неминуемая фальсификация, всегда находится в поиске новой теории. И наука, таким образом, не стоит на месте, а находится в движении к бесконечной, но все-таки достижимой цели – к открытию новых, более глубоких и более общих проблем и к повторным, все более строгим проверкам наших всегда временных, всегда пробных решений (6, 259). Поппер призывает нас отказаться от многовековой привычки рассматривать науку в качестве «корпуса знания», но смотреть на нее как на «систему догадок и предвосхищений, которые в принципе не могут быть навсегда оправданы и которыми мы пользуемся до тех пор, пока они выдерживают проверки» (6, 289).

В полемике с логическими позитивистами Поппер подчеркивал, что так называемая *проблема значения* является для него чисто словесной проблемой. Члены Венского кружка думали, что Поппер пытается заменить принцип верификации принципом фальсификации, хотя (как отмечал это и сам Поппер) его в большей степени интересовала проблема демаркации науки от ненауки и псевдонауки. Эту проблему Поппер определяет как нахождение критерия, который позволил бы провести различие между утверждениями (высказываниями, системами высказываний), принадлежащими к эмпирической науке, и утверждениями, которые можно назвать метафизическими. Таким образом, не сам по себе принцип фальсификации, а проблема *демаркации* является главенствующей для Поппера.

Поппер предлагает нам привыкнуть к мысли о том, что на науку следует смотреть не как на незыблемый корпус знания, а как на систему гипотез, на систему догадок или предвосхищений, которые в принципе не могут быть оправданы, и которыми, повторимся, мы пользуемся до тех пор, пока они выдерживают проверки. В отношении

этих гипотез никогда нельзя сказать, будто они «истинны», «более или менее достоверны» или хотя бы «вероятностны».

Да, впервые в истории философии мы знакомимся с оригинальной научной концепцией, рассматривающей саму науку сплошь состоящей из системы догадок и восхищений. Такая позиция и уверенность выкристаллизовались у Поппера во многом благодаря критическому, но плодотворному диалогу с членами Венского кружка. Безусловно, последних объективность и рациональность научного знания заботили не меньше, чем Поппера. Однако, вместе с тем, логические позитивисты (и не только они) совершенно иначе подходили к науке и научному знанию.

Оппоненты Поппера обращали внимание, главным образом, на структуру науки, то есть на логическую реконструкцию высказываний, их интересовали критерия значения. В центре внимания, например, тех же логических позитивистов, стояли первичные элементы структуры знания. Эти элементы они обнаруживали в протокольных высказываниях, описывающих первичные элементы структуры физического, опытного мира. Данная задача, в свою очередь, требовала обращения к индукции, что было неприемлемо для Поппера, ибо возвращала нас в объятия традиционного, но отвергнутого британским мыслителем, пути развития знания: от первичных фактов опыта, выраженных в протокольных предложениях, путем индуктивного обобщения мы и приходим к научным теориям. Все это оказалось далеко не так.

И К. Поппер расходился с логическими позитивистами не по тому или иному конкретному вопросу, а по поводу всей концепции науки и, следовательно, всей концепции человеческого знания. Чтобы яснее понять это различие, следует сделать сравнения по некоторым фундаментальным вопросам:

Первое. Поппер неоднократно повторял, что его в первую очередь интересует рост знания, причем рост научного знания, его динамика, в то время как для логических позитивистов главенствующей является структура науки.

Второе. Поппер исходил из судьбоносного для всей его философии науки принципа о том, что наука начинается с *проблемы*. И эта базисная установка, определенная Поппером для научного наблюдения, распространяется им на весь познавательный процесс. Логические позитивисты считают, что наука начинается с эмпирических *наблюдений*, и далее переходит к гипотезам и теориям.

Третье. Для Поппера не существует ничего раз и навсегда данного, нет никакого незыблемого основания знания. Всякое знание носит пробный характер, т.е. неминуемо будет фальсифицировано. Для логических позитивистов такое основание

существует в виде базисных фактов, которые можно выразить в «протокольных высказываниях».

Четвертое. Для разграничения всего того, что относится к эмпирической (проверяемой) науке, от того, что относится к сфере метафизики, или, говоря языком Витгенштейна, «невыводимого», Поппер и выдвинул принцип фальсификации. Оппоненты Поппера из лагеря логических позитивистов в качестве критерия научности выдвигали лишь принцип верификации.

Впрочем, подводя итог этому сравнению, надо заметить, что объективность научного знания традиционно подразумевала признание его абсолютного характера. Поппер показал, что никакое объективное знание не должно быть абсолютным. Объективное знание должно быть проверяемым и, поскольку проверяемым, значит, – опровержимым (8, 248). И еще надо подчеркнуть, что метод развития научного знания, предложенный Поппером, имеет такое же право на существование, как и методология Куна, Лакатоса, Фейерабенда и других. Однако в плане *фальсификации* многих ныне существующих теорий, возможности попперовской методологии сужаются. Конечно, с созданием «единой теории поля» общая теория относительности и другие физические теории быть могут будут по-попперовски фальсифицированы, хотя с фальсификацией новой общей теории могут быть и трудности. Тем не менее, прогресс в науке, ее развитие имеет место, наука (и в попперовском смысле слова тоже) открывает нам новые горизонты, в том числе и в плане возможностей методологии К. Поппера, которая может получить новое дыхание, новое осмысление и более широкое и продуктивное применение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аналитическая философия. Избранные тексты. - М., 1993.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. - М., 2008.
3. Кант И. Сочинения в 6 томах. Т.3. - М., 1964.
4. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции//Методология научно-исследовательских программ. - М., 2003.
5. Никифоров А.Л. Философия и история науки. - М., 2008.
6. Поппер К.Р. Логика научного исследования. - М., 2005.
7. Поппер К.Р. Нормальная наука и опасности, связанные с ней// Кун Т. Структура научных революций. - М., 2003.
8. Поппер К.Р. Объективное знание. - М., 2002.
9. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. - М., 2000.

A. Mamedov

THE NATURE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN «CRITICAL RATIONALISM» BY K. POPPER

Abstract: The article critically examines the views of one of the greatest thinkers of XX century - K. Popper's logic and methodology of scientific knowledge. Prominent in it is characteristic Popper's nature of scientific knowledge, research process, which is re-

garded thinker as an endless path closer to the truth.

Key words: demarcation, verification, falsification, true, science, the theory, hypothesis.

УДК 575.8 : 1

Мамченков Д.В.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ПРЕДМЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ БИОЛОГИИ)*

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения развивающегося предмета познания, которая заключается в антиномии тождества предмета, фиксированного в определении, и процесса изменения, связывающего последовательные состояния того же предмета. Основываясь на рассмотрении теорий эволюции в биологии, предлагается возможный выход из данного противоречия, заключающийся в объединении субъективных и объективных аспектов в формировании предмета.

Ключевые слова: предмет знания, развитие, тождество, вид, эволюция.

Цель нашей работы узнать, *можно ли научно, строго и непротиворечиво мыслить развивающийся предмет*. Предмет здесь мы понимаем в самом широком смысле – как «нечто», тождественность которого мы фиксируем в нашем сознании, другими словами - то, что может стать субъектом атрибутивного суждения. Это хорошо нам знакомое и повсеместно используемое понятие таит в себе серьезнейшую проблему: ведь, зафиксировав его тождественность, мы, тем самым лишаем его возможности развиваться.

Это положение дел может быть точно выражено на языке логики: определяя некоторое явление, мы фиксируем в нем несколько существенных признаков А,В,С, D... Если хотя бы один из этих признаков изменится, скажем, предстанет в степени А1, то перед нами будет уже другое явление. Да, оно будет схоже с первым во всех признаках кроме этого, но принципиально, качественно будет таким же *другим*, иным по отношению к первому, как и все остальные объекты окружающего мира. Поэтому, говорить, что происходит развитие каких либо предметов, говорить, что один объект развивается из другого, нет никаких оснований, нет даже логических средств описать такую ситуацию, следовательно, и понятийно представить развивающийся предмет также невозможно.

С другой стороны, если мы определяем предмет нашей науки таким образом, что он может развиваться, что в ней мы сможем описать превращение одной формы в другую, то мы столкнемся с другой проблемой. В этом случае окажется невозможным точно и четко определить сам предмет, его сущность и специфику, установить границы, где начинается данное явление, а где оно заканчивается. В качестве предмета здесь может выступать только некая всеобщая единая субстанция, которая будет плавно изменяться, перетекать из одной формы в другую, проявляясь в отдельных предметах, не имеющих своего собственного специфического существования.

Следовательно, если предмет приобретает свою самость исключительно в сознании субъекта, посредством строгой дефиниции, то такой предмет развиваться не может. Если же субъект конструирует предмет не только опираясь на приписанные ему свойства, но и на существующий объект («существующее единое»), то такой предмет получает принципиальную возможность к развитию, которое может быть концептуализировано. Единство частей должно исходить не от субъекта, но должно быть проявлением взаимодействия самих частей, должно быть внутренней, а не внешней связью. Как же непосредственно, учитывая указанные сложности, возможно сформулировать более конкретно то понятие, которое способно к развитию?

Для того чтобы преодолеть абстрактность философских споров по этому вопросу, мы обратимся к более конкретному материалу и попытаемся в нем изыскать путь к разрешению нашей задачи. Ведь действительно, философский дискурс приходится вести в исключительно общих категориях, таких как «предмет», «понятие», в которых представляется проблематичным даже концептуализировать проблему. Мы же *конкретизируем эти понятия на поле теорий эволюций в биологии*.

На сегодняшний день сосуществует множество теорий, предлагающих различные трактовки

* © Мамченков Д.В.